

Кадр первый ЛУИС БУНЮЭЛЬ

В черно-белой, слегка дрожащей картине чувствуется сдержанная энергетика Луиса Бунюэля. А если не чувствуется — вдохните еще раз.

Ранний сырой петербургский вечер. Фигура девушки, в которой чувствуется усталость и тоска. Хрупкие натруженные плечики, она светло-волоса, в руке тяжёлый пакет.

Фигура юноши легка. Он бежит. Почти летит, свободно, изящно. Он отталкивается от твёрдого темно-серого асфальта сверхлёгкими кроссовками ярко-бирюзового цвета. Юноша почти парит над асфаль-

ДАРЬЯ ВОЛКОВА

товой свинцовой влажностью с вкраплениями вековой меди кленовых листьев.

Однако отставим в сторону лирику. Это всего лишь беговая дорожка на стадионе рядом с Государственным университетом физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта. И вот владелец бирюзовых кроссовок покидает стадион. Его ждёт неожиданная встреча.

Юноша любит бегать в центре Петербурга. Ему нравится унылый серый город, надменные дома, каждый из которых непременно историческая ценность и культурный памятник. Любит припечатывать своими яркими кроссовками холодный гранит набережных, попадая в ритм с суровой северной рекой, так резко контрастирующей с теми местами, где он вырос. Этот гранит, эта мгlistая река и этот строгий город признали его. Но он всё равно каждый раз припечатывал его улицы подошвами, давая понять, кто тут главный.

А для девушки это был обычный вечер. Знакомое возвращение после рабочего дня. Привычная колея дороги домой. Она и по сторонам-то не очень глядела. И вдруг...

В наушниках юноши задавал ритм сочный вокал какого-то талантливого уроженца чёрного континента. Бирюзовые кроссовки чётко повторяли этот ритм. Правая-левая, туц-тудуц-туц-туц.

Парень врезался в девушку. Можно сказать, на полном скаку врубился. Словно слепой, словно не видел ничего перед собой. Или не слышал. Но все-

ТРУБАДУРА

таки видеть — важнее. А он непостижимо — не увидел. Не заметил.

А вот она, падая, разглядела кое-что. Серая толстовка, серые спортивные штаны, яркие бирюзовые кроссовки. Копна черных кудрей и серебристые наушники, приминающие волосы. А ещё удивлённые тёмные глаза. Она грохнулась на асфальт, больно ударившись коленом.

Парень не понял, как это произошло. Нет, ну, то есть ничего неожиданного не предвещало. Бежал, слушал музыку. Правая-левая, туц-тудуц-туц-туц. И непонятно каким образом вдруг под ногами оказалось тело, о которое он споткнулся. В общем, зазевался, как ни крути.

Из порванного от удара пакета выкатились апельсины, оказавшиеся необыкновенно яркими на тускло-матовой серости асфальта. Он услышал: «Скотина!» — и громкий всхлип.

Девушка сидела в метре от него среди оранжевых апельсинов, тёрла колено, всхлипывала и, кажется, ругалась.

Парень наклонился к ней.

— Скажите... Вам нужна помощь?

Тут ему доходчиво объяснили всё про него самого и предложенные услуги. Несчастный вид пострадавшей, шмыганье носом и потёкшая тушь растопили мужское сердце, поэтому рука помощи была протянута. И даже принята. Девушка оказалась невесомой — он поднял ее с асфальта без малейшего усилия. Она вообще показалась юноше какой-то нере-

ДАРЬЯ ВОЛКОВА

альной — слишком хрупкая, слишком изящная, а волосы просто белые. Она подняла на него глаза. Он никогда не видел раньше таких глаз — на грани темно-голубого и светло-синего. Ни то ни другое. Где-то между. А когда она поднялась, он разглядел мелкую лёгкую россыпь веснушек.

— Смотреть надо куда прёшь! — Девушка старательно грубила, словно домашнее задание демонстрировала.

— Извините.

Апельсины на ощупь оказались пупырчатыми, зато в ладонь ложились ладно.

— В жопу себе засунь извинения.

— Пакет порвался.

Она фыркнула:

— Да неужели? Из-за тебя!

— Верно, — согласился он безропотно. — Виноват. Вы далеко живёте?

— Вот! — Пальчик из обрубка тёмно-серой митенки практически обличительно ткнул в неприметную облезлую дверь, которую язык не поворачивался назвать «парадной», но она такой и являлась.

— Помочь?

— Зачем же? — процедила она сквозь зубы.

Изящной рукой девушка резко очертила окружность на асфальте, на которой уместились россыпь апельсинов, пачка печенья, упаковка гречки, что-то еще непонятной формы в блестяще-шуршащей фольге. Порванный пакет с тихим шорохом, подталкаемый ветерком, тихо сбегал вдоль по улице.

ТРУБАДУРА

— Сама прекрасно справляюсь.

Парень в спортивном костюме вздохнул, снял серебристые наушники с шеи и решительно стянул с себя толстовку, явив сырому питерскому сентябрю лёгкую футболку. Из толстовки была сооружена импровизированная авоська, в которую и сложили фрагменты нечаянного уличного натюрморта.

Дверь перед случайным носильщиком открылась с крайне недовольным и даже презрительным скрипом. Парадная внутри оказалась еще более питерской, чем снаружи. Стены и лестница эпохи Достоевского, потолок и того раньше.

Этаж третий, дверь черного дерматина — уже не достоевской, а советской эпохи. Замок лязгнул премемерно, дверь проскрипела в унисон — и всё в полном соответствии с окружающей обстановкой.

За дверью было темно, затхло, пахло лекарствами, какой-то едой и, странно, чем-то, похожим на индийские благовония. Почему-то казалось, что сейчас под ноги бросится большой черный кот, но, когда зажглась тусклая лампа под потолком, стало ясно, что встречать их никто не вышел.

— Туда, — махнула девушка вдоль узкого коридора, сплошь чем-то уставленного и увешанного.

Парень шагнул вслед за ней, смело отогнав мысли, что надо разуться. На старый облезлый пол было страшно ступать чистыми носками.

В направлении «туда» обнаружилась кухня. Стены, окрашенные тёмно-зелёной масляной краской, были расписаны цветочками и божьими коровка-

ДАРЬЯ ВОЛКОВА

ми — судя по стилистике, работал ребёнок лет пяти. Кухня была укомплектована окном с облупившейся краской, раковиной с ржавыми подтёками, урчащим круглобоким холодильником. В углу притулилась старинная стиралка, на полке стояла микроволновка.

— Ставь на стол.

По крайней мере, чистый. Парень аккуратно развязал рукава и принялся вынимать продукты.

— Дед, я дома! — раздалось громкое за спиной. — Сейчас будем чай пить!

Он обернулся и посмотрел на хозяйку.

Худенькая, в расстёгнутом бесформенном пальто-бушлате. Невысокая. Волосы и в самом деле просто белые-белые, как у куклы. И глаза тоже как у куклы — круглые, яркие, словно фарфоровые. Личико — словно белое пятно — ни бровей, ни ресниц. Чуть розовая полоска губ.

— Чего уставился? — Девушка всё так же старательно и всё так же неубедительно грубила, ставя на голубой цветок газа чайник. — Надевай свою кофту и вали отсюда. Спасибо... за помощь.

— Да не за что.

Он ответил на автомате и повернулся к двери на шаркающие шаги.

Кажется, старик держался вертикально только благодаря костюму. Из тяжёлой темной ткани пиджак стоял колом и держал находившееся внутри худое старое тело. Однако стоял дед ровно и без опоры. И глаза из-под густых белых бровей смотрели очень

ТРУБАДУРА

цепко. Венчик седых волос, торчащие уши и слуховой аппарат довершали картину.

— Здравствуйте. — Голос старика едва ощутимо дрожал, но звучал чётко и громко. Он протянул руку. — Профессор Дуров Павел Корнеевич. С кем имею честь?

С ответом пришлось замешкаться, потому что в руках была толстовка, и то ли ее надевать, то ли на рукопожатие отвечать — непонятно. Выбрал второе, перекинув толстовку через руку.

— Кузьменко Степан... Аркадьевич.

Рукопожатие у дряхлого профессора оказалось вполне себе крепким, и Степан вдруг добавил: — Студент. Учусь неподалёку. В Лесгафте. Последний курс.

— Ага, ага... — закивал дедок. — Я там кое-кого знал и... А впрочем, что же мы на кухне? Прошу с нами чай пить. Турочка, я пошёл чашки и ложки доставать.

— Дед, я сама... — Слова беловолосой девушки полетели уже вслед.

Профессор довольно бодро поковылял из кухни.

— Эх... — махнула она рукой. — Перебьёт опять половину. А ты чего стоишь? Выход там.

— Меня чай пригласили пить.

Она сначала хотела что-то сказать, даже рот открыла. А потом вздохнула. И произнесла устало:

— Тогда помогай.

— Слушай, — Степан искал в холодильнике требуемые маслёнку и сыр. — А как он тебя называл... дурочка? Или мне показалось?

ДАРЬЯ ВОЛКОВА

— Сам ты дурочка! — Она вернулась с заварочным чайником. — Ту-ро-чка.

— В этом же... кофе варят? — спросил он неуверенно.

Маслѐнка нашлась, сыра он в упор не видел.

— Или турочка в смысле... национальности?

— Тура — в смысле имени!

Чайник накрыли тряпичной курицей из лоскутков.

— Зовут меня так. Ту-ра.

— Это какое имя? — Степан даже оторвался от недр холодильника и оперся на дверцу, в ответ на что белый хлипкий монстр не преминул качнуться.

— Аккуратнее! — прикрикнула на незваного гостя хозяйка квартиры. — Человеческое это имя.

— Не русское какое-то. — От неожиданности он вдруг обнаружил-таки на дверце сыр.

— И что?

— А какое?

— Любопытному... Стѐпе на базаре дали по... попе.

Он хихикнул:

— Не, ну если это секрет...

— Не секрет! — Степану в руки вручили поднос с чайником, маслѐнкой и сыром. — Первая дверь напротив. Отнеси, поставь всё на стол и возвращайся с подносом. — И, уже в спину: — Отец у меня норвег.

Норвег... Или правильно — норвежец? Да всё равно — тогда понятно, откуда эти волосы белые. Наверное, настоящие.

За первой дверью оказалась комната, сплошь заставленная полками с книгами. А еще там были пиа-

ТРУБАДУРА

нино, буфет, огромный круглый стол и громоздкие деревянные стулья. Передвигаться в этой комнате Стёпа мог только аккуратно и боком. На краешке стола профессор Дуров расставлял белые с красным узором чашки. Никаких осколков, вопреки опасениями Туры — вот же имечко! — не было видно.

— Ставьте сюда, Степан Аркадьевич! — засуетился профессор.

Сгрузив поклажу на стол, Степан Аркадьевич снова вернулся на кухню. По имени-отчеству его называли только во время медкомиссии.

На кухне дочь гордых норвегов резала колбасу, и Стёпа вдруг понял, что голоден. И что колбаса к чаепитию кстати.

— Печенье в вазу пересыпь, — получил он очередную команду.

Под шорох пакета он задал вдруг неожиданный даже для себя вопрос:

— А вы тут вдвоём живете... с дедом?

— Втроём.

— А кто третий? — Стёпа покрутил головой в поисках мусорного ведра и, найдя его, точным броском отправил туда скомканную упаковку из-под печенья.

— Вы из паспортного стола?

Колбаса на тарелке была разложена по безупречной окружности, и желудок дал понять, что был бы не прочь ее попробовать.

— Не. Ну если и это секрет...

Она стрельнула в него косым взглядом. Глаза у нее яркие — невероятно. Как будто нарисован-

ДАРЬЯ ВОЛКОВА

ные на белом листе. Светлые, но яркие — бывает же такое.

— С нами ещё живёт Елена Павловна.

— Это дочь Павла Корнеевича? — проявил чудеса сообразительности Степан.

— Угу. И моя... мать.

Паузу и интонацию было невозможно не заметить, но как отреагировать — Стёпа не знал. Поэтому решил продолжить задавать вопросы на тему, которая ему вдруг стала очень интересна. Квартира огромная, коммуналка, комнат шесть минимум. Живут втроём. А Степкин родной институт — в соседнем дворе. Экономия времени колоссальная просто, совсем другой порядок, чем сейчас, когда Степану приходится добираться из съёмной квартиры от станции метро «Парнас». В свое время прижми-стый Стёпа снял квартиру именно там, в новостройке, на конечной станции Московско-Петроградской линии, а потом всё не доходили руки заняться поиском другого жилья — хотя экономия вышла боком, это он уже понимал. А тут — само в руки пришло. Идеальный вариант. Институт — рядом. До тренировочной базы — семь остановок на автобусе. Всё рядом, всё близко.

— Слушай... А вы комнаты не сдаёте?

— Нет, — ответ прозвучал резко. — Иди, неси печенье и чайник.

— А почему? — Стёпа подпёр плечом косяк, удерживая поднос одной рукой. — Места у вас тут много, а деньги, по-моему, вам лишними не будут. То есть...

ТРУБАДУРА

Хозяйка квартиры молчала, но Стёпка сам сообразил, что выразился не самым удачным образом.

— Я хотел сказать, что деньги вообще лишними не бывают. А я... ну ты же поняла, что я про себя спрашиваю... Я бы у вас комнату снял. Потому что...

— Дед против посторонних людей в квартире. Пошли.

За столом дед завёл непринуждённый разговор:

— А вы на каком факультете учитесь, Степан Аркадьевич?

— А... кхм... это... — Стёпа отложил надкушенный бутерброд. После пробежек аппетит всегда зверский. — Здоровья и реабилитологии.

— Вот как? Похвально.

Степану налили еще чаю, расплескав не больше четверти на блюдце. Тура едва слышно вздохнула, но промолчала.

— Стало быть, медициной интересуетесь?

— Спасибо, — Степан взял чашку. — Вроде того. На кафедре спортивной медицины как раз.

— Слышал, слышал... А что же, профессор Лягинцев у вас преподаёт? Помнится, у нас с ним в свое время была знатная полемика... по некоторым вопросам.

Фамилию Степан слышал. Примерно в том контексте, что и про царя Гороха. То есть этот Лягинцев преподавал в институте очень давно.

ДАРЬЯ ВОЛКОВА

— По-моему, уже нет, — осторожно ответил Стёпа и осторожно же пригубил чай.

— Ну да, — неожиданно грустно согласился Дуров. — Он же старше меня лет на пятнадцать. Умер, наверное. Это я всё задерживаюсь. Надоел всем, да всё никак не уйду.

Внучка профессора метнула на Степана яростный взгляд. Прожгла просто насквозь. Да что он такого сказал? Не специально же, и вообще, не он этот разговор начал. Но неловкость исправить следовало немедленно. И, кстати...

— Павел Корнеевич, а вы, случайно, комнаты студентам не сдаёте?

Дочь гордых норвегов застыла с чашкой в руке на грани сильнейшего возмущения и крайнего изумления — видимо, и то, и другое относилось к Стёпкиной наглости. А вот профессор Дуров, кажется, ничуть не удивился вопросу.

— Вы о себе хлопчете, Степан Аркадьевич?

— Да. Я не местный. Снимаю жильё, но далеко от института. Мне было бы очень удобно жить рядом с институтом. Я... — тут Степан вдруг ощутил, что южная горячая кровь у него разыграла, и сейчас его куда-то понесёт. Но остановиться уже не мог — заговорил чуть громче и запальчиво: — Я очень необременительный жилец, точно вам говорю! У меня день весь расписан — занятия, тренировки, приходится буду только на ночь практически. Не курю, не пью, веду здоровый образ жизни. По дому, если что-то надо, с удовольствием помогу — у меня руки

ТРУБАДУРА

из нужного места растут.хлопот, в общем, не доставляю.

Степан перевёл дыхание. Быстренько соображал, что бы еще добавить к беспардонной рекламе себя любимого? Добавлять оказалось ничего и не нужно.

— Хорошо, — кивнул Павел Корнеевич. — Почему бы, в самом деле, не сдать комнату хорошему человеку, особенно если ему надо? Все детали обсудите с моей внучкой. Турочка, я у себя — поработать надо. Степан Аркадьевич, до встречи. — Старый профессор с трудом поднялся со стула.

Неизвестно, кого эти слова старого профессора изумили больше. За столом после ухода Дурова стало на какое-то время тихо. Стёпа смотрел на Туру. Тура смотрела в чашку. А потом строго посмотрела ему в глаза.

— Ну, хороший человек... Ну ты... — покачала головой. — И откуда взялся только такой шустрый?

— Слушай... Ну правда, что такого-то? — Стёпа звякнул чашкой о блюде. — Я реально буду только спать приходить. Не курю, не бухаю, девок водить не стану. Скорее всего, буду часто отсутствовать — много приходится ездить. Чего не так-то?

— Да всё так. — Она неожиданно усмехнулась. И лицо сразу преобразилось, став почти симпатичным. — Не поверишь, но я несколько лет деда уламывала сдать комнату. Потому что деньги очень нужны. А он всё никак, типа, я работаю, мне чужие мешать будут. Хотя какая там работа — ему уже восемьдесят четыре, там не работа, а так, придумывает себе заня-